

Литература

1. Herder J.G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Bd. 1-2. – Berlin-Weimar, 1965.
2. Kollar J. Slavy dčera. – Budin, 1824.
3. Sabina K. Slovanstvi a panslavismus // Češti radikalni demokraté. Vybor politických statí. Uspořádal K.Kosik. - Praha, 1953.
4. Григорьева А.А. О происхождении понятия «панславизм» // Шестые востоковедные чтения БГУЭП: Материалы международной научной конференции. – Иркутск: ГОУ ВПО «БГУЭП», 2009. – С. 50-56.
5. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – М., 1951.
6. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. – Спб., 1913.
7. Фолькович С.М. Отношение польского национального движения к Австрийской империи и идеологии австрославизма в контексте идей панславизма и пангерманизма (50-70 гг. XIX в.) // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (к. XVIII – 70-е гг. XIX вв.). – М., 1995.
8. Французова О.А. Использование метода суммарного анализа в изучении чешского политического панславизма 1 пол. XIX в. // Научные труды МПГУ: серия «Социально-гуманитарные науки», М.: Прометей, 2004, С. 185-192.
9. Французова О.А. Панславизм в представлениях чешских консерваторов пол. XIX в. // Научные труды МПГУ. Серия социально-гуманитарные науки. - М.: Прометей, 2005, С. 262-267.

ИСТОРИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

«Народники» и «легальные марксисты» об особом пути России: истоки полемики

к.ф.н. доц. Головин Я.Б.
Университет машиностроения
varosgolo@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена идейной полемике о путях развития России в конце XIX в. между так называемыми «народниками» и «легальными марксистами». Описываются позиции основных участников той полемики. Представлена точка зрения самих К. Маркса и Ф. Энгельса. Пересматривается общепринятое мнение о правоте и победе «легальных марксистов» в той полемике.

Ключевые слова: Маркс, марксизм, Россия, социал-демократия, народники, Струве, легальный марксизм.

Полемика об особом пути России идёт среди русских мыслителей как минимум два века и приобрела характер вечной. Сторонниками особого пути обычно были и остаются представители консервативной, охранительной части идейного спектра. Эпоха конца XIX века характерна тем, что идею особого пути России стали отстаивать представители оппозиционного общественного течения, сторонники радикальных социальных преобразований. В данной статье представлен авторский взгляд как на субъектов, так и на итоги той полемики.

Схема, с которой мы до сих пор подходим к раскладу политических сил и полемикам конца XIX века, не меняется со времён падения коммунизма. Она вкратце такова. Первые русские марксисты (сначала Плеханов, а потом «легальные марксисты») вели полемику с «народниками» и, разумеется, победили их. «Народники» – это как бы стихийные революционеры, они ещё не вооружены передовым учением – марксизмом, поэтому допускают ошибки и в теории, и в практике. В теории «народники» ошибочно полагали, что Россия может миновать капиталистическую стадию развития и, опираясь на крестьянскую общину, перейти

непосредственно от феодализма к социализму. На практике же они использовали методы индивидуального террора, надеясь на то, что это приведёт к всеобщему крестьянскому восстанию (такая тактика на марксистском языке называется бланкизмом). Марксисты же разъяснили, что законы истории, открытые Марксом, не терпят исключения, Россия никакого прыжка совершить не может, крестьяне не могут быть основой революционной борьбы за социализм, крестьянская община должна отмереть, и только после победы капитализма и появления массового рабочего класса возможна пролетарская революция и переход к социализму.

Такая схема требует уточнений. Никакого «народничества» как организованной политической или идейной силы не существовало. Участники той полемики с «народнической» стороны Михайловский, Даниэльсон, Воронцов, вели постоянные споры друг с другом и не чувствовали между собой особого единства. Кроме того, за редким исключением (И.И. Каблиц (Юзов) «Основы народничества», 1882) русские радикалы 80 – 90-х годов не называли себя народниками, они предпочитали называть себя социалистами или революционер-социалистами. Наименование «народники» – это полемическая кличка, которой обозначили всех своих противников представители группы молодежи во главе со Струве, как когда-то Маркс обозначил всех своих противников и предшественников термином «утопические социалисты». Тем не менее, от этого термина на данный момент уже вряд ли благоразумно отказываться, я и не буду этого делать, но кавычки для «народников» оставлю. Один из известных историков русской мысли В.Ф. Пустарнаков в фундаментальной на данный момент «Истории русской философии» начинает главу о народниках с указания на проблемность и неоднозначность понятия «народничество» и утверждает, что «многие из тех, кого в современной литературе причисляют к народникам, не считались таковыми во времена рассвета народничества, и наоборот, некоторые из тех, кого называли народниками, в новейшей литературе к ним не относят. Учитывая исторически возникшую неоднозначность понятия «народничество», реальное содержание этого движения следует выводить не из самоназвания тех или иных деятелей, кружков или группировок (и не из обозначения их идейных противников – Я.Г.), а из степени общности и различия идейных принципов его участников» [1, с. 234]. При этом Пустарнаков всё-таки считает, что народничество представляет собой некую целостность и его можно рассматривать как общественное движение.

В отличие от «народников», их противники, марксисты, изначально чувствовали своё идейное единство, которое вылилось со временем и в организационное: создание Российской социал-демократической партии. Если в русской эмиграции началом социал-демократии следует считать группу Г.В. Плеханова «Освобождение труда», то в России социал-демократия имеет истоком организованный весной 1890 года П.Б. Струве студенческий марксистский кружок. Начиная с 1894 года при непосредственном участии Струве в России начала легально издаваться социал-демократическая литература. От этой издательской деятельности и берёт своё начало термин «легальный марксизм». Когда в начале 1900-х годов Ленин решил порвать со Струве, то он задним числом разделил социал-демократическое движение 1894–1899 годов на два течения: революционный марксизм, представителем которого видел себя, и «легальный марксизм», представителем которого он видел в первую очередь Струве. Соответственно, признаками «легального марксизма» стали отрицание революции и классовой борьбы, превознесение капитализма. С таким смыслом термин «легальный марксизм» вошёл в советскую историографию, пережил СССР и используется сейчас. В словаре «Русская философия» [2, с. 256-257] и в пособии «История русской философии» [1, с. 548-553] статьи о «легальном марксизме» написаны М.В. Романенко. Он называет легальный марксизм идейно-политическим течением конца XIX века и вполне адекватно представляет обобщение взглядов Струве, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, М.И. Туган-Барановского этого времени. Но термин «течение» уместно употреблять, если оно хоть как-то институционализировано, если представители этого течения сознательно идентифицируют себя с ним, если они согласны были применять в отношении себя какое-то название, которое бы отделяло их от противников. Но в 90-х годах все русские марксисты выступали единым фронтом, все печат-

тались в легальных изданиях, никаких фракций и хотя бы кем-то артикулируемых течений не образовывали. Хотя различие в позициях и точках зрения между Струве, Бердяевым, Булгаковым, Туган-Барановским, с одной стороны, и Плехановым, Лениным, с другой, существовали с самого начала. Но ради общего дела все воздерживались от жёсткой критики и образования фракций.

Если русские марксисты видели себя истинными выразителями идей Маркса в России, то и «народники» никогда не рассматривали его учение как противостоящую им идейную силу. Они видели в Марксе критика ужасов капитализма и в этом смысле союзника. И «народники» имели на то все основания. Ведь Маркс, а после его смерти Энгельс, знали о российских спорах и недвусмысленно поддерживали не марксистов, а «народников» в их «антимарксистских» заблуждениях.

В 1877 году Маркс писал Михайловскому: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 года, то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла каком-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» [3, с. 119-120]. В черновике письма от 1881 года Вере Засулич Маркс высказывает совершенно «народнические» идеи: «В России благодаря исключительному стечению обстоятельств сельская община, ещё существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе. Именно благодаря тому, что она является современницей капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии... Если бы русские поклонники капиталистической системы стали отрицать теоретическую возможность подобной эволюции, я бы спросил их: разве для того, чтобы ввести у себя машины, пароходы, железные дороги и т. п., Россия должна была подобно Западу пройти через долгий инкубационный период развития машинного производства?» [3, т.19, с. 401].

Уже после смерти Маркса, в 1885 году Вера Засулич послала Энгельсу статью Плеханова «Наши разногласия» с надеждой, что в этих разногласиях он поддержит Плеханова, а не народолюбцев. Энгельс ответил: «То, что я знаю или думаю, что знаю о положении в России, склоняет меня к тому мнению, что страна приближается к своему 1789 году... Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может сделать революцию... И если когда-либо бланкистская фантазия – вызвать потрясение целого общества путём небольшого заговора – имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге... По-моему, самое важное – чтобы в России был дан толчок, чтобы революция разразилась. Подаст ли сигнал та или иная фракция, произойдёт ли это под тем или иным флагом, для меня не столь важно» [3, т.36, с. 260]. Можно предположить, что Маркса и Энгельса восхитили мужество и готовность к самопожертвованию народолюбцев в их борьбе с самодержавием, никаких подобных примеров в Европе 1870-х годов не было. Также не осталось никаких надежд на близкую социальную революцию в Европе после разгрома Парижской коммуны, и в этих условиях психологически понятно, что Маркс и Энгельс ухватились за соломинку.

Идеи «народников» об особом пути России были не плодом умозрительных схем, а плодом анализа экономической ситуации. После освобождения крестьян в России сложились две системы хозяйствования. Половина земли была передана крестьянам, но не в личную, а в коллективную собственность. Сельхозпродукты там крестьяне производили для себя, а в свободное от сельскохозяйственных работ время крестьяне производили кустарные изделия. Всё это вместе экономистами-«народниками» называлось народным производством. Вторая половина земли была передана помещикам, которые нанимали людей для её обработки, а произведённую продукцию продавали на рынке. Эта система хозяйствования называлась ими капиталистической. Каждый год какое-то количество помещиков разорялось, их земля переходила к крестьянам. Правительство всячески пыталось затормозить этот процесс, был основан Дворянский банк, но разорение помещиков продолжалось. В целом, работавший на себя крестьянин показывал большую эффективность, чем помещик, использовавший наёмный труд. Причиной же бедственного положения крестьян, по мнению «народников», явля-

лись большие налоги и малые наделы. В перераспределении помещичьей земли в руки крестьян и снижении налогов они видели выход из этой ситуации. Но правительство упорно поддерживало помещиков-дворян и промышленных фабрикантов, продукция которых вытесняла кустарную продукцию крестьян.

Какие-то революционные выводы из такого положения дел делали далеко не все представители радикальной интеллигенции. К 90-м годам XIX века каких-то революционных организаций практически не осталось. Струве вёл полемику с очень лояльным вариантом «народничества», представители которого полагали, что социалистические преобразования способна совершить самодержавная власть.

Известный экономист Воронцов в книге «Судьбы капитализма в России» (1882) полагал, что правительство все ресурсы должно бросить не на поддержку капиталистического сектора, а на поддержку народного производства, капиталисты как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, без государственной поддержки автоматически разорятся. Землю разорившихся помещиков надо передать крестьянским общинам, часть из промышленных предприятий (транспорт, горнодобывающую промышленность) следует национализировать, а часть передать малым предприятиям, организованным по артельному принципу, как сейчас сказали бы – кооперативам.

Другим крупнейшим представителем «народничества» был Н.Ф. Даниэльсон. На протяжении многих лет он вёл обширную переписку сначала с Марксом, а после его смерти – с Энгельсом. Его главная книга «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» вышла в 1893 году, как раз после голода 1891–1892 годов. Его взгляды сводились к следующему. Важным источником дохода русских крестьян было кустарное производство, а с развитием капиталистической промышленности крестьяне не могли выдерживать конкуренцию, их доходы упали. Чтобы прокормиться, они не могли оставлять часть земли под паром, земля истощалась, крестьянин разорялся и уходил искать работу. А в промышленности новых рабочих мест из-за технического прогресса почти не появлялось. Отсюда безработица, голод. В условиях неплатежеспособного населения капиталистическая промышленность тоже не могла развиваться. Никаких перспектив ни у кустарной промышленности (в отличии от точки зрения Воронцова), ни у капиталистической в России Даниэльсон не видел, единственный выход – немедленное обобществление производства, то есть социализм, причём это обобществление вполне может провести и самодержавная власть.

На отторжение у Струве «народнических» теорий и желание противопоставить им новое социал-демократическое движение оказали влияние два фактора. Первый – это отсутствие желаний у современных ему «радетелей за народ» бороться с самодержавием за политическую свободу. И второй – его восхищение Западом, «интенсивностью материальной культуры Запада», созданной капитализмом. Когда он впервые взрослым, 20 летним человеком, попал на Запад (в 1890 году), причём в известную ему по детским годам Германию, то «богатство и интенсивность материальной культуры и удивительная, доходящая до подчинения, приспособленность к ней западного человека произвели громадное и неизгладимое впечатление» [4, с. 103]. А «народники» всего этого потенциального богатства готовы Россию лишить!

На мнение Струве об особом пути России, как он признавался более чем через сорок лет в своих воспоминаниях в эмиграции, оказал И.С. Тургенев: «В моё духовное и политическое развитие те историко-политические мысли И.С. Тургенева, которые были направлены против русского социально-политического мессианизма как в его консервативной (имеются в виду славянофилы – Я.Г.), так и в революционной редакции (собственно, «народники» 70-х, 80-х, 90-х – Я.Г.), вошли определяющим образом как одно из самых важных «влияний», породивших тот строй идей, первым выразителем которого я явился в русской исторической и философски обоснованной публицистике и который стал известен под внушающим неправильные ассоциации и возбуждающим недоразумения наименованием «легальный марксизм». Оглядываясь сейчас назад, я могу сказать смело, что переписка Кавелина и Тургенева с Герценом, изданная в 1892 г. Драгомановым, для окончательного формирования моего ис-

торико-политического мирозерцания имела значение гораздо большее, чем известные полемические произведения П.Б. Аксельрода и Г.В. Плеханова, ставших в эмиграции основателями русской социал-демократии» [5]. Струве приводит развернутую цитату с мыслью Тургенева о России: «В столь часто повторяемой антитезе Запада, прекрасного снаружи и безобразного внутри, и Востока, безобразного снаружи и прекрасного внутри, лежит фальшь ... Россия не Венера Милосская в черном теле и в узах; это такая же девица, как и старшие её сестры ...» [5]. И ещё одна меткая метафора из письма Тургенева Герцену (1864): «По моему понятию, ни Европа не так стара, ни Россия не так молода, как ты их представляешь: мы сидим в одном мешке, и никакого за нами специального нового слова не предвидится» [5]. Вот эти метафоры, что Россия «не Венера Милосская в чёрном теле», что «мы сидим в одном мешке» разили, по словам Струве «народническую» идеологию метче и безошибочнее, чем всякие экономические рассуждения и социологические построения» [5].

Атаку на «народничество» Струве начал в 1892 году с публикации в немецкой печати рецензий на книги «народников». Известность ему принесла только седьмая рецензия, вышедшая в октябре 1893 года, как раз на упомянутую выше книгу Даниэльсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». Главная причина неблагополучия крестьян, полагал Струве, в перенаселённости русской деревни. А крестьянская община, с одной стороны, искусственно удерживает желающих выйти из неё (ведь продать свою землю нельзя), а с другой – препятствует интенсификации сельскохозяйственного производства, держит его в рамках натурального хозяйства. Решение аграрной проблемы России может быть только на пути индустриализации, перемещения крестьян в город, что повысит спрос на сельскохозяйственную продукцию и, соответственно, повысит доходы остающихся в деревне крестьян. Массовый голод в этой ситуации имеет большое прогрессивное значение, он способствует уходу крестьян из деревни в города и приближает победу капитализма. Что же касается рынка сбыта для развивающейся промышленности, то Струве несколько оптимистично полагал, что внутреннего рынка достаточно, ведь развивается же промышленность США, ориентируясь исключительно на внутренний рынок. Как только доля сельского населения уменьшится с нынешних 80 процентов, до американских 40-50, то капитализм победит, и аграрный кризис будет преодолен. Наступлению капитализма ничего не может помешать, это единый закон развития любого общества, и меры правительства по его поддержке надо приветствовать. В довольно резкой саркастической манере Струве характеризует своих противников. Он пишет, что когда социалистические идеи проникли в докапиталистическую Россию, то «они были обречены быть утопическими и связанными с теми явлениями и институтами, которым экономический прогресс уже вынес свой приговор. Требовалась лишь определённая доза идеализма, чтобы увязать столь тесно, сколь это только возможно, примитивные формы экономики и абстрактные социалистические идеи, да ещё определённая доза оптимизма, чтобы поверить в триумф этих народных структур, функционирующих в сотрудничестве с социалистически настроенной интеллигенцией, над злобными силами развивающегося капитализма... Наследники этого направления известны нам как «народники», идеология которых базируется на идеализации крестьянского натурального хозяйства и общинной собственности... Теперь, когда совершенно ясно, что развитие капитализма движется вперёд гигантскими шагами, идеология, которая, с одной стороны, принимает учение Маркса, а с другой стороны, упорно отказывается перейти на капиталистическую основу, столь очевидно обнаруживает свою утопическую основу, что дни её сочтены» [4, с.138]. Такую «отходную» самому влиятельному идейно-политическому направлению прочитал 23-летний молодой человек! Через несколько месяцев Струве напечатал ещё одну, большую по объёму рецензию, на ту же книгу Даниэльсона. Одним из первых на статьи Струве отреагировал Энгельс, который к этому времени уже достаточно разуверился в особом пути России к социализму, но не хотел рвать отношения со своим многолетним корреспондентом Даниэльсоном и не хотел, чтобы в стане русских марксистов произошёл раскол. 17 октября 1893 года Энгельс написал письмо Даниэльсону, в котором он довольно резко критикует Струве по незначительному поводу: сравнению России с США и убеждению Струве что отрицательные последствия ка-

питализма будут преодолены в России так же быстро, как и в США. Но по главному вопросу о неизбежности капитализма в России он со Струве довольно определённо соглашается: «Для меня современная капиталистическая фаза развития в России представляется неизбежным следствием тех исторических условий, которые были созданы Крымской войной, того способа, каким было осуществлено изменение аграрных отношений в 1861 году, и, наконец, неизбежным следствием общего политического застоя во всей Европе» [5, т. 39, с. 128]. Неудовлетворённый таким ответом Даниэльсон в следующем письме попросил дополнительных разъяснений, но Энгельс уклонился от того, чтобы определённо поддержать кого-то из спорящих.

На эти выступления Струве отреагировали и все ведущие «народники», это был триумфальный вход Струве в первый ряд русских властителей дум. В ответ на выпады против Струве, молодой адвокат Владимир Ульянов весной 1894 года написал свою первую работу «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» в поддержку Струве. Лично они ещё не были знакомы. Никто в тот момент молодого Ульянова не знал, внимания на его работу не обратил и ещё многие годы известность и влияние Струве намного превосходили известность и влияние Ленина.

Выводы

Несмотря на отказ от марксизма, как теории, объясняющей общественное развитие и пересмотр очень многих марксистских схем, итоги полемики 1890-х годов русских марксистов с народниками оказались непересмотренными. А ведь если посмотреть на последующие события, правыми следует признать народников. Россия, не пройдя капиталистическую стадию, перешла сразу к социалистической. Струве указал на это обстоятельство ещё в 1927 году: «Теперь, через десять лет после большевистской революции, можно совершенно категорически установить, что эта революция, будучи приложением идеи немедленного осуществления социализма к такой экономически неразвитой стране, как Россия, явилась осуществлением народнически-социалистической программы. Программа эта в эпоху литературных споров 90-х годов опиралась на некоторые отдельные заявления Маркса из 70-х годов, но отвергала его основную историко-социологическую мысль, что социалистическое преобразование общества, если оно осуществимо, то возможно только на почве широчайшего и глубочайшего развития так называемых «капиталистических» отношений» [6].

Россия действительно пошла по особому пути и повела по этому пути многие другие народы. Другое дело, куда привёл этот путь. Правда народников очень относительна. За ними осталась правда историческая, а за Струве моральная. Струве был уверен, что если Россия пойдёт по «особому» пути, то ничем хорошим это для неё не кончится, и в этом он оказался прав.

Литература

1. История русской философии. Учеб. для вузов / Редкол.: М.А.Маслин и др. – М., 2001.
2. Русская философия. Словарь / Под общ. ред. М. Маслина. – М., 1999.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. 2 изд. М.: Политиздат, 1954–1981. Т. 19.
4. Пайпс Р. Струве: левый либерал. 1870-1905. Т.1. М., 2001.
5. Струве П.Б. Тургенев как политический мыслитель // Россия и славянство. 1933. №:225, 1 октября.
6. Струве П.Б. Полезная и историческая справка по поводу странной и ненужной полемики. ДП №264 / Россия и славянство. 1928. № 5, 29 декабря.
7. Головин Я.Б. П.Б. Струве и Г.В. Плеханов: к истории одной полемики. Известия МГТУ «МАМИ» № 4(18), 2013, т. 2.